

**В ЭТОМ
ГОДУ
ИСПОЛНЯЕТСЯ
100 лет
со дня
смерти
нашего
великого
земляка
Льва
Толстого**

По «казанским правилам» жизни

Наверное, нет на свете другого писателя, который бы так глубоко копал и перепахивал свою душу, как Лев Николаевич Толстой. И это его копание, эта его внутренняя работа над собой, началась в Казани. Его дневник, начатый в студенческие годы и продлившийся до последних дней жизни писателя, являет миру бесподобный пример искренности, исповедальности и кропотливого нравственного труда великого человека

Лев Толстой переехал из Москвы в Казань осенью 1841 года. Ему было тринадцать лет, ему предстояло пережить в Казани пору отрочества и юности.

Два с половиной года Толстой готовился к поступлению в Императорский Казанский университет, на его восточное отделение. Он решил стать дипломатом. Успешно выдержал экзамены по закону Божию (мог ли набожный абитуриент предположить, что на закате жизни будет отлучён от православной церкви?), по истории, математике, статистике, логике, английскому, французскому, немецкому, латинскому, турецкому и татарскому языкам; и не совсем успешно по географии и латыни. По русской словесности будущий великий русский писатель получил «четыре».

Выдающийся востоковед, профессор Мирза Казембек, с которым Толстой занимался турецким и татарским языками, находил его способности к усвоению языков необыкновенными. И хотя первое время будущий классик литературы учился, так сказать, ни шатко ни валко (даже на один из экзаменов на первом курсе не явился), ректор университета Н. И. Лобачевский каким-то своим неевклидовым взглядом узрел в угловатом студенте «выдающиеся способности».

Потерпев неудачу на восточном разряде, Толстой перевёлся на юридический факультет. Здесь, после первого же экзамена, один из основателей частного международного права в России, профессор Д.И. Мейер поручил молодому графу написать научную работу о «Наказе» Екатерины II и сравнить её с «Духом законов» Монтескьё. В результате профессор высоко оценил работу студента. Сам Толстой признавался, что эта работа его «очень заняла». Чтение в университетские годы Монтескьё, Руссо, других философов оказало на юношу большое влияние. Объясняя впо-

следствии уход со второй половины второго курса университета, Толстой писал: «Работа над Наказом... открыла мне новую область умственного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

К сожалению, не все педагоги в университете были такими прогрессивными, как Лобачевский, Мейер, Казембек... Но причина ухода была не только в этом.

За месяц до прошения об отчислении, 11 марта 1847 года Толстой попадает на излечение в университетскую клинику. Здесь, в одиночестве, он заводит свой знаменитый дневник, начинает переосмысливать свою жизнь, устанавливает для себя строгие правила и, можно сказать, становится тем Львом Толстым, которого знает и читает весь мир.

Казань, таким образом, была в судьбе писателя пограничным городом. Она помнит его и навсегда светских балов, и человеком строгих правил. Подчас наивными представляются его юношеские устремления к идеальной, честной, мужественной и простой жизни (недаром, наверное, бытует поговорка «Простой, как Лев Толстой»). Вызывает улыбку то, как он учил себя «спокойно переносить все неприятности жизни», терпеть невзгоды, выдерживать боль, которой он в испытательных целях добивался искусственно. Юноша сшил себе парусиновый халат и носил его днём, а ночью превращал в подстилку и покрывало одновременно. В своём стоицизме юный философ старался не отставать от Диогена.

Но каким бы всё это наивным в начале ни выглядело, в конце жизни (скончался 20 ноября 1910 года по новому стилю), великий старец своим правилам, составленным юношей в Казани, не изменил.

Иван Кабанов